УДК: 339.137:339.944

Никитенко Алексей Иванович – кандидат политических наук, начальник отдела документационного и технического обеспечения Орловского областного Совета народных депутатов (Российская Федерация, г. Орёл), e-mail: alexey.nikitenko@mail.ru

КОНКУРЕНЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются этапы развития интеграционных процессов в постсоветском регионе. Основное внимание автором уделяется конкуренции вариантов интеграции республик пространства СНГ, сформулированных Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом. Автор обобщает предпосылки и причины экспансии Европейского союза в постсоветском регионе. Делается вывод, что успех интеграционного проекта Евразийского экономического союза будет зависеть от способности России последовательно и эффективно реализовать стратегию партнерства с государствами постсоветского пространства.

Ключевые слова: интеграция, интеграционный проект, СНГ, постсоветское пространство, Евразийский экономический союз, Европейский союз.

NIKITENKO A.I. – Candidate of Political Sciences, Head of the Department of Documentation and Technical Support of the Orel Regional Council of People's Deputies (Russian Federation, Orel), e-mail: alexey.nikitenko@mail.ru

COMPETITION OF INTEGRATION PROJECTS OF THE EUROPEAN UNION AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE CIS: STAGES OF DEVELOPMENT

The article deals with the stages of development of integration processes in the post-Soviet region. The author pays special attention to the competition of variants of integration of the CIS republics formulated by the European Union and the Eurasian Economic Union. The author summarizes the prerequisites and reasons for the expansion of the European Union in the post-Soviet region. It is concluded that the success of the integration project of the Eurasian economic Union will depend on the ability of Russia to consistently and effectively implement the strategy of partnership with the post-Soviet States.

Keywords: Integration, integration project, CIS, post-Soviet space, Eurasian economic Union, European Union.

Постепенное перерастание конкуренции интеграционных проектов «единой Европы» и Евразийского сообщества в конфронтацию указанных субъектов международных отношений к настоящему времени привело к трансформации планов политико-экономического объединения постсоветских республик в инструмент геополитического переформатирования евразийского пространства. В результате включение конкретного государства СНГ в тот или иной интеграционный проект на деле означает его пребывание в сфере влияния России или Европейского союза или же потерю означеннми акторами возможности реализовывать свои внешнеполитические интересы на территории региона.

Возможности для сближения конкурирующих сторон, то есть Российской Федерации и панъевропейского объединения, сохранялись до первого десятилетия 2000-х годов. Это означало согласование европейских устремлений государств постсоветского региона с принципами евразийских интеграционных стратегий на основе взаимного сближения Москвы и Брюсселя. Однако после вхождения в Евросоюз стран Прибалтики и подписания Украиной, Молдавией и Грузией Соглашений об ассоциации с «единой Европой» компромисс интеграционных проектов представляется труднодостижимым. В свою очередь образование Евразийского экономического союза в составе Российской Федерации, Белоруссии, Казахстана, Армении, Киргизии и Таджикистана воспринимается на Западе как установление непреодолимого препятствия для своего продвижения на пространстве Евразии [7, С. 23].

В интеграционной конкуренции между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом в постсоветском регионе можно выделить три основных этапа. На *первом* из них, который приходится на время от приема в ЕС прибалтийских республик бывшего СССР в 2004 г. до российско-грузинской войны августа 2008 г., происходило формирование опорных политических и институциональ-ных принципов панъевропей-ского интеграционного проекта в виде Европейской политики соседства. Её реализация совпала по времени с первыми «цветными революциями» в странах СНГ. Так, в указанный период в Грузии в ноябре 2003 г. имела место «революция роз», приведшая к власти режим М.Саакашвили, в Киргизии в марте 2005 г. была организована «тюльпановая революция», на Украине имел успех переворот под названием «оранжевой революции», когда благодаря инспирированным извне протестам президентские полномочия были переданы В. Ющенко. Закончились неудачами попытки переворотов, предпринятые в 2006 г. в Белоруссии и в 2008 г. в Армении [7, 116 с.].

В результате описанных событий была заложена основа идеологического конфликта между самыми крупными международными объединениями на пространстве СНГ. Стержнем запущенного процесса политизации европейской идентичности в постсоветском регионе стали противопоставление и антагонизм по отношению к евразийской модели союза новых независимых государств. Именно триумф евроинтеграторов на Украине привел к отказу новых киевских властей от участия в проекте Единого экономического пространства со странами СНГ. В результате последний был реализован в формате Таможенного союза, членами которого в 2007 г. стали

Российская Федерация, Белоруссия и Казахстан.

Таким образом, «единая Европа» и Россия самостоятельно перешли к формированию альтернативных интеграционных проектов в регионе СНГ. На этом фоне наблюдался процесс стагнации диалога между сторонами конкуренции и фактический отказ от единого европейского экономического и культурного пространства между Евросоюзом и Россией. Завершением рассматриваемого периода, который можно именовать «этапом ожидания», стали такие события, как выступление Президента Российской Федерации В. Путина на мюнхенской конференции по вопросам европейской безопасности в феврале 2007 года и «пятидневная война» в августе 2008 года. Отныне евроатлантисты получили четкий сигнал об усилении российских позиций в ее ближнем зарубежье, намереваясь нарастить своё присутствие на пространстве СНГ. Может быть поддержан вывод .Л. Цыбакова, согласно которому в основе «освоения» постсоветского пространства панъевропейскими акторами лежит политика «сдерживания» нашей страны, предотвращения неоимперского ренессанса евразийской державы [6, С. 155].

Второй этап европейско-евразийской интеграционной конкуренции необходимо связывать со становлением политики Восточного партнёрства ЕС и апеллирующего ему Таможенного союза, что приходится на 2009–2013 годы. Именно в указанное время обе вариации межгосударственных объединений обрели своё институциональное оформление и нормативно-правовое наполнение [3]. Одновременно европейские политики и пропагандисты, прежде всего представители стран так называемой «Новой Европы», навязали общественному мнению и «политическому классу» ЕС стереотипы о несовместимости двух интеграционных проектов. При этом акцент делался якобы на противоположных идейных ценностях и политической мотивации европейского и российско-евразийского вариантов интеграции. Если для «Восточного партнёрства» таковыми признавались демократический транзит и европеизация, то проекту Таможенного союза приписывались автократизм и консервация лидирующего положения в регионе.

В свою очередь создатели Таможенного союза пересмотрели принципы интеграционного взаимодействия. Так, в 2011 г. была подписана Декларация о евразийской интеграции, в которой легитимизировались намерения преобразования Таможенного союза в Евразийский экономический союз. Подписанное тогда же соглашение о создании зоны свободной торговли СНГ следует признать экономической платформой евразийского интеграционного проекта.

Период 2011– 2013 гг. следует признать конфронтационным этапом в европейско-евразийской конкурентной борьбе. Именно в указанное время были проведены переговоры по соглашениям об ассоциации «единой Европы» с такими государствами, как Украина, Молдавия, Грузия и Армения. Апофеозом противоборства стали события на Украине, когда навязывание Европейским союзом этой стране соглашения об ассоциации привело как к началу гражданского противостояния на улицах Киева, так и к масштабному кризису в отношениях между Россией и Евросоюзом [4, С. 70–85].

Процессы, развернувшиеся после украинского кризиса в 2014–2018 годах, мы отнесем к *третьему* этапу конкуренции интеграционных проектов на постсоветском пространстве. Характерно, что общее снижение напряжённости в контексте европейско-евразийских отношений сопровождалось её переходом на уровень конфронтации между Россией и Западом. Вместе с тем ключевые противоречия, обусловившие возникновение и эскалацию конкурентной борьбы между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом, остались неурегулированными. Готов к воспроизводству конфликтный потенциал, который в настоящее время проявляется в менее публичном формате, будучи заслонен в мировом общественном мнении событиями гражданской войны на Украине.

Таким образом, следует заключить, что в период 2003–2018 гг. эволюция конкурентной борьбы на постсоветском пространстве происходила по нарастающей. На каждом из выделенных этапов отмечалась актуализация вопросов национальной и коллективной безопасности и цивилизационной принадлежности пространства СНГ. И со стороны Европейского союза, и со стороны сторонников евразийского объединения отмечалось взаимное недоверие, инициировавшее односторонние действия с целью подрыва интересов конкурирующего субъекта в постсоветском регионе.

Стороны конкурентной борьбы руководствовались скорее не намерениями к реализации интеграционного проекта, а стратегией блокирования продвижения интеграционного проекта своего конкурента.

Принципиальная трансформация отношений между европейским и евразийским сообществами заявила о себе в начале 2000-х годов в связи с тремя тенденциями конкурентной борьбы.

Во-первых, к ним относится отказ основного инициатора интеграционного проектирования – Российской Федерации – от абсолютизации формата СНГ как идейной и правовой основы своей политики по отношению к странам «ближнего зарубежья». Оказались востребованы более узкие по субъектному составу, но потенциально более эффективным вариантам прежде всего экономического сближения исключительно те новые независимые государства, которые выражали готовность к углублению интеграции. Следствием модификации стратегии России на постсоветском пространстве стало подписание договора об учреждении Евразийского экономического сообщества. При этом изначально декларировалось создание на его основе Таможенного союза и Единого экономического пространства. В указанное время к переговорному процессу о создании последнего присоединилась Украина, выдвигая при этом ряд условий политического содержания.

Во-вторых, на евразийско-европейские отношения серьезно повлияли проекты Общего экономического и гуманитарного пространства РФ–ЕС. Следует отметить, что после агрессии НАТО в отношении Югославии в 1999 году в российском политико-экспертном сообществе отмечалось скептическое отношение к диалогу с США и НАТО [1]. Оно проецировалось помимо прочего в сторону определенного «европтимизма», которое выразилось в идеях политического партнёрства с Европейским союзом. Оно объяснялось имитацией «единой Европой» своей международно-политической и военно-политической субъ-

ектности. На основе Амстердамского договора 1997 г. была оформлена Европейская политика безопасности и обороны. В связи с этим ожидалось превращение ЕС в полноценного субъекта международных отношений. В российских политической и интеллектуальной элитах ожидалось преодоление комплексов «холодной войны», что позволило бы создать конструкцию равноправного партнёрства с Евросоюзом во всех сферах отношений.

В-третьих, одним из решающих факторов конкурентной борьбы в постсоветском регионе стало продвижение «Европейской политики соседства» (ЕПС). Оно имело принципиальное отличие: если в документах и соглашениях о сотрудничестве, подписанных в середине 1990-х годов, предусматривался баланс правового регулирования, то теперь учреждался принцип односторонней проекции норм ЕС на правовые и политические системы новых независимых государств.

Заключим, что «Европейская политика соседства» по существу вступала в противоречие с проектами евразийской интеграции. В свою очередь Россия негативно восприняла ЕПС, которая на первый взгляд не имела необходимых материальных и медийных ресурсов.

Для понимания дальнейших вариантов развития интеграционных проектов на пространстве СНГ необходимо иметь в виду роль правящих элит стран региона, для которых была характерна тактика лавирования между различными акторами мировой политики.

В первой половине 2000-х годов в ряде стран СНГ произошла мимикрия ментальности и политического сознания. Имел место отказ от постсоветской идентичности и превращение её в негативный признак, от которого необходимо отказаться на идеологическом уровне. В описанных условиях постсоветская идентичность замещалась панъевропейской, которая и служила далее вектором политического и экономического развития. К тому времени поляризация внутриполитической борьбы в новых независимых государствах происходила вокруг линии противостояния Восток–Запад, по большей части виртуального. В описанных условиях европейская идентичность, представляемая в комплиментарном контексте, популяризировалась в качестве новой идеологии сближения стран и народов постсоветского региона.

В пользу обращения к европейскому проекту интеграции побуждал и односторонне трактуемый опыт стран Прибалтики. Он представлялся как эталон постсоциалистического перехода к демократии с помощью европейской интеграции, который при наличии политической воли может быть с аналогичным успехом реализован другими государствами СНГ. Тот факт, что поступательное социально-экономическое развитие прибалтийских республик в ранний постсоветский период стало возможным благодаря в целом лояльной позиции России и сохранению транзитных коммуникаций между Востоком и Западом через территории Эстонии, Латвии и Литвы. Однако именно интеграция в ЕС с полноценным обретением членства была объявлена как подлинно практическое воплощение европейской идентичности. В свою очередь импульс евразийской интеграции отвергался, как принципиально противоречащий идеа-

лизированной геополитической конфигурации Европы.

Директивное распространение «проевропейских» норм и стандартов в постсоветских обществах сопровождалось преднамеренными манипуляциями, когда происходила подмена формальных стандартов ЕС суррогатными нормативными компиляциями, представляемыми брюссельской бюрократией странам – клиентам из числа государств СНГ.

Правящие группировки в республиках, склонившихся к идеям европейской интеграции, на словах поддерживали стратегию преобразования постсоветстких республик в русле предлагаемых Брюсселем принципов, пусть в геополитическом плане это сулило лишь приобретение ограниченного партнёрского или ассоциированного статуса. Ориентацией на внедрение этих принципов оправдывалось уклонение от сближения с Российской Федерацией и сохранения общих интеграционных рамок на евразийском пространстве. При этом дискурс о европеизации и адаптации к «европейским ценностям» в странах СНГ долгое время не встречал содержательного возражения со стороны Российской Федерации.

В свою очередь обращение того или иного нового независимого государства к выбору европейской вариации интеграции сопровождалось активной политикой Евросоюза. Республикам СНГ навязывались стесняющие и ограничивающие их неокрепший национальный суверенитет формальные обязательства. Таковые имели целью юридическое закрепление политических норм, способствующих ориентации постсоветской страны на следование геополитическому курсу «единой Европы».

Обобщим, что Российская Федерация и Европейский союз на всех этапах интеграционной конкуренции практиковали принципиально противоположные стратегии влияния на «политический класс» и институты гражданского общества стран постсоветского региона. Европейский союз намеренно акцентировал нормативно-ценностный контекст интеграционного процесса, представляя приобщение к нему в качестве доказательства выбора демократического пути развития. В отличие от европейских политиков, российская сторона склонялась к стратегиям упрочения экономического партнерства, оценивая позицию постсоветских государств преимущественно через призму вероятных последствий создания зоны свободной торговли с ЕС и отказа от традиционных торговых связей с Российской Федерацией. Одновременно Россия стремилась убедить европейское сообщество в пагубности одностороннего распространения проекция его норм и правил на страны СНГ без учёта позиции России и фактора экономической взаимозависимости постсоветского пространства. Игнорирование российской позиции в итоге привело к политической дестабилизации постсоветского региона, развитию его конфликтогенного потенциала, появлению новых серьёзных рисков и кризисов коллективной безопасности.

Библиография:

1. Кольтюков А.А. и др. Военная политика стран НАТО на Балканах и обеспечение безопасности России на рубеже XX–XXI вв. – М.: Акад. проект, 2006. – 479 с.

2. Маркедонов С. Постсоветское пространство: распад или сохранение? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Исто-

рия. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2017. – № 2 (8). – С. 9–16.

3. Сергунин А. Восточное партнерство в контексте российско-европейских отношений / Россия и Восточное партнерство ЕС: вызов или новая платформа для сотрудничества? Сборник докладов международной конференции. – СПб.: Левша, 2010. – 124 с.

4. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А.. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). – М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. – 433 с.

5. Уткин С.В. Россия и Европейский союз в меняющейся архитектуре безопасности: перспективы взаимодействия. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 107 с.

6. Цыбаков Д.Л. Милитаризация международной политики: последствия для интересов и безопасности России: монография. / Под ред. Р.А. Явчуновской. – М.: МАКС – Пресс, 2012. – 236 с.

7. Юн С.М. Политика Европейского союза в Центральной Азии: от «открытия» региона к «стратегии нового партнерства» (1992–2008 гг.). – Томск: Томский гос. ун-т, 2009.

8. «Цветная» революция – социальный процесс или сетевая технология?/ Под. ред. И. В. Максимова. – М.: Книга по Требованию, 2010. –116 с.

References:

1. Kol'tyukov A.A. i dr. Voennaya politika stran NATO na Balkanah i obespechenie bezopasnosti Rossii na rubezhe XX–XXI vv. – M.: Akad. proekt, 2006. – 479 s. (In Russ.)

2. Markedonov S. Postsovetskoe prostranstvo: raspad ili sohranenie? // Vestnik RGGU. Seriya: politologiya. istoriya. mezhdunarodnye otnosheniya. zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. – 2017. – № 2 (8). – S. 9– 16. (In Russ.)

3. Sergunin A. Vostochnoe partnerstvo v kontekste rossijsko-evropejskih otnoshenij / Rossiya i Vostochnoe partnerstvo ES: vyzov ili novaya platforma dlya sotrudnichestva? Sbornik dokladov mezhdunarodnoj konferencii. – SPb.: Levsha, 2010. – 124 s. (In Russ.)

4. Sundiev I.Yu., Smirnov A.A.. Teoriya i tekhnologii social'noj destrukcii (na primere «cvetnyh revolyucij»). – M.:Russkij biograficheskij institut, Institut ekonomicheskih strategij, 2016 – 433 s. (In Russ.)

5. Utkin S.V. Rossiya i Evropejskij soyuz v menyayushchejsya arhitekture bezopasnosti: perspektivy vzaimodejstviya. – M.: IMEMO RAN, 2010. – 107 s. (In Russ.)

6. Cybakov D.L. Militarizaciya mezhdunarodnoj politiki: posledstviya dlya interesov i bezopasnosti Rossii: monografiya. / Pod red.R.A.Yavchunovskoj. M.: MAKS Press. – 2012. –236 s. (In Russ.)

7. Yun S.M. Politika Evropejskogo soyuza v Central'noj Azii: ot «otkrytiya» regiona k «strategii novogo partnerstva» (1992–2008 gg.). – Tomsk: Tomskij gos. un-t, 2009. (In Russ.)

8. «Cvetnaya» revolyuciya – social'nyj process ili setevaya tekhnologiya?/ pod.red. I. V. Maksimova. – M. : Kniga po Trebovaniyu, 2010. –116 s. (In Russ.)